

УДК 94(430)

DOI: 10.17223/2312461X/20/11

«ХАЙЛЬ БИСМАРК!» «ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР» КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФИГУРА НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ОТКРЫТКАХ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Александр Сергеевич Медяков

Аннотация. Впервые рассматривается роль открыток в становлении образа Бисмарка в качестве одного из ключевых символов немецкого национализма на рубеже XIX–XX вв. Показаны пути мифологизации и «национализации» этой реальной исторической фигуры, а также особая роль в указанном процессе правых националистических группировок и организаций Германии и Австро-Венгрии. Основным способом наделения образа Бисмарка националистическими смыслами являлось его вербальное и визуальное соединение с уже этаблированными национальными символами, позволившее ему в конечном счете самому пополнить их ряды. Отмечаются инструментализация фигуры Бисмарка различными политическими силами в собственных целях и соперничество предлагавшихся ими интерпретаций. Являясь массовым средством информации и коммуникации, почтовые открытки выступали в качестве важного способа распространения образа Бисмарка. В статье анализируются иконография, а также контексты, коды и атрибуты, дающие возможность трактовать Бисмарка в националистическом ключе. Указывается специфика открытки как исторического источника, позволившая исследовать не только собственно визуальные образы, но и реакцию на них в тексте личных посланий. Комплексный анализ открыток служит основанием для выводов о сознательном выборе их сюжетов националистически настроенной публикой, о функции открыток как важного средства коммуникации для такого рода сообществ и о превращении фигуры Бисмарка в один из символов принадлежности к ним.

Ключевые слова: Бисмарк, открытки, национализм, национальный миф, Германия, Австро-Венгрия, фёлькишское движение

Практически сразу после отставки Бисмарка с поста канцлера в 1890 г. стала набирать обороты его популярность, к началу нового века вылившаяся в настоящий культ. Все больше теряя реальные, исторические черты, Бисмарк превращался в олицетворение, символ созданной им империи. Главной причиной подобной метаморфозы, с одной стороны, была потребность в единой идентификационной фигуре, которая могла бы воплотить для обитателей объединенных в 1871 г. в Германскую империю немецких государств их новое отечество. С другой стороны, интегрирующая функция символического Бисмарка в это время оказалась востребованной также перед лицом тех изменений, которое претерпевало общество, – кризиса социального статуса традиционных

слоев и поиска своего места новыми, усиления социальной и пространственной мобильности, продолжавшейся девальвации старых политических и духовных ценностей. Вместе с тем восприятие и трактовка Бисмарка в качестве символической фигуры не были едиными, различаясь в отдельных социальных и идеологических группах. Энергичнее всего в конкретной ситуации 90-х гг. Бисмарка и его «старый курс» стали превращать в свое знамя те, кто был недоволен более либеральным «новым курсом» преемников «железного канцлера» – аграрии, разного рода правые и националистические силы. Своим главным героем сделало Бисмарка и так называемое фёлькишское движение в Германии и Австро-Венгрии, складывавшееся из разного рода националистических объединений часто с расистской, антиславянской и антисемитской направленностью (Hartung 1996). В значительной степени как раз благодаря чрезвычайной активности всех этих сил фигура Бисмарка начала восприниматься в качестве воплощения не только нового государства, но и «немецкости», тем самым получив возможность выполнять «национализирующую функцию» (Machtan 1994: 10). Однако для того чтобы ее осуществлять, образ Бисмарка должен был быть сначала «национализирован» сам, наполниться специфическими «национальными» смыслами, вытеснявшими прежнее конкретное политическое содержание его фигуры.

Среди разнообразных форм и способов, которыми осуществлялся этот процесс, весьма заметное место занимала иллюстрированная открытка. Она сыграла важную роль в превращении Бисмарка из реального исторического лица в символ Германской империи, она же активно использовалась для разного рода «национальных» трактовок фигуры бывшего канцлера. Специфика открытки, с одной стороны, заключается в ее поистине массовом характере, особенно что касается Германии. Согласно официальной статистике Всемирного почтового союза за 1901 г., германской почтой внутри страны был доставлен 1 млрд открыток, в то время как, например, во Франции – лишь 60 млн (Allgemeine Poststatistik für 1901: 457–458). Наряду с массовостью, открывавшей широкие возможности для агитации, открытки применялись членами различных объединений в качестве средства коммуникации между собой, использовались ими в разных социальных практиках, служивших «национализации» Бисмарка. Особенный интерес представляют специфическая иконографическая трактовка образа Бисмарка, а также отклик на нее самих участников переписки. Все эти процессы, практически не освещенные в литературе, являются предметом изучения в настоящей статье¹.

«Дуб Германии»

Основным способом придания фигуре Бисмарка «национальных» трактовок стали его введение в пантеон уже существовавших нацио-

нальных мифов, визуальное или вербальное соединение его образа с персонажами германской мифологии (Зигфрид, Вотан), историческими фигурами (вождь херусков Арминий (Герман), кайзер Барбаросса, Лютер), национальными символами («германский дуб»). Подобные параллели проводились широко и в рамках самых разных визуальных стратегий.

Весьма распространенными были отсылки к «германскому дубу» и топосу «немецкого леса». Дуб считался «германским» деревом, воплощающим национальные ценности – твердость, надежность и «немецкую верность» (Osmond 2006: 23). На рисованных открытках с изображением Бисмарка практически всегда присутствуют дубовые листья как своеобразный код, представляющий его в качестве «истинного немца». Получили распространение открытки, на которых медальон с изображением Бисмарка помещался на фоне могучего дуба. Помимо подобных фантазий установлению связи Бисмарка с этим символом способствовало и отражение в открытке специфической социальной практики, а именно посадок «дубов Бисмарка». У ее истоков стоял сам Бисмарк, заведя обыкновение рассылать поклонникам дубовые саженцы из своих владений, затем продолженное его потомками (Breitenborn 1990: 151). Открытки не просто распространяли информацию о посадке очередного «дуба Бисмарка», но и придавали ей новое качество, сообщая о появлении такой своеобразной местной достопримечательности.

В ряде открыток связь Бисмарка с «немецким дубом» превращалась в уподобление первого второму. Комплексный характер открытки, сочетание изображения с текстом, в принципе, позволяли посредством комментария придать фигуре Бисмарка едва ли не любое содержание, в том числе и такое. Например, на одной из открыток жанра «Привет из...» под фотографией Бисмарка в обрамлении дубовых листьев помещена надпись «Дуб Германии». Помимо прочего, образ Бисмарка-дуба имел важную для немецкого национализма «органическую», «почвенническую» коннотацию: Бисмарк – это плоть от плоти немецкой земли, это впитавший в себя ее силу побег из ее почвы (Rapp 1992: 80–82). Иногда изображение Бисмарка на фоне дуба дополнялось первой строкой из популярной «Песни Бисмарка» («Внимал ли песне ты дубов старинных, немецкий мой народ...»), уподоблявшей Бисмарка дубу и призывавшей немцев равняться на него в стойкости (May 2014: 179, 193).

Топос «природности» Бисмарка был тесно связан с представлениями о «немецком лесе». В течение XIX в. «немецкий лес» превратился в один из основных национальных мифов. Немцы толковались как «народ леса», глубоко естественный, вечный и неизменный, как породивший их лес, и принципиально отличный как от французов и англичан с их оторванными от природы искусственными парками, так и от русских – «народа степи», а впоследствии и от евреев – «народа пустыни» (Lehmann 1999; Zechner 2006; Wilson 2012).

Связь Бисмарка с лесом открытки подчеркивали многократно и разными способами. Наиболее распространенным сюжетом были изображения его одиноких прогулок под лесным кровом в сопровождении верного пса, некоторые из которых имели прямо-таки мистический колорит. Иногда изображение усиливалось текстом: «Старец из Захсенвальда [леса саксов]». Само название лесного массива, в котором находилось имение Бисмарка, позволяло делать отсылку к одному из важнейших элементов мифа «немецкого леса» – связи с древними германцами. На открытках с бисмарковскими сюжетами можно увидеть стихи писателя Теодора Фонтане, написанные на следующий день после смерти бывшего канцлера: легендарный вождь саксов Видукинд приглашает Бисмарка к себе «как сакса», он должен стать частью этой земли, поскольку «плоть и камень распадется // но лес саксов, он остается». Мистика вечного «немецкого леса», вне времени и вне всякого исторического контекста, прямо связывала Бисмарка с некогда населявшими его германцами, делала его частью крайне значимого для немецкого национализма «германского мифа» (See 1970).

Особенно важной была связь с одним из ключевых событий в мифологии немецкого национализма – битвой в Тевтобургском лесу, в которой легендарный вождь херусков Арминий разбил римские легионы, что позволило возвести его впоследствии в ранг важнейшей национальной фигуры. В публицистике конца XIX в. проводились прямые параллели между этими двумя «германцами», вплоть до наименования Арминия «первым Бисмарком» (Kipper 2002: 260–261). Свою роль играли и открытки. В частности, широкое распространение получили открытки с изображением двух памятников, расположенных по соседству в Тевтобургском лесу – «камня Бисмарка» с барельефом канцлера и знаменитой гигантской статуи Германа. Уже само появление «камня Бисмарка» в одном из главных «мест памяти» немцев было достаточно символичным, однако выбранная фотографом перспектива еще больше усиливала впечатление: Арминий и Бисмарк в буквальном и переносном смысле слова оказывались на одной линии германской истории. Находящийся на заднем плане памятник Арминию символизировал прошлое, а крупно взятый на переднем плане «камень Бисмарка» – настоящее немцев.

Бисмарк связывался и с другой культовой национальной фигурой – кайзером Фридрихом Барбароссой (Kaul 2007: 689–699). Легенда о спящем в горе Киффгойзер императоре долгие годы символизировала надежду на национальное объединение и возрождение Германии. Бисмарк сделал легенду былью – на одной из открыток он появляется у входа в пещеру, где сидит длинноротый кайзер (рис. 1).

Рис. 1. Бисмарк у входа в гору Киффгойзер. Вена. Изд-во Ф. Шальк. 1899

Барбаросса и легенда Киффгойзера символизировали скорее имперскую ипостась немцев; фигура же Лютера, стоящего на открытках рядом с Бисмарком, помогала характеризовать их как народ – Лютер являлся выразителем «немецкой сути», «немецкой свободы», был почитаем как создатель современного немецкого языка (Schmidt 2014). Кроме того, все три «немецких героя» отличились в борьбе против «вельшей» (романских народов): Арминий разбил римлян, Лютер освободил немцев от «римских оков» в духовной сфере, а Бисмарк нанес поражение их «наследственному врагу» – французам.

Если подобное переосмысление исторического Лютера «в национальном духе» на фоне непростой конфессиональной ситуации в Гер-

мании рубежа веков не было до конца беспроblemным, то фантазии на тему германской мифологии не знали никаких ограничений. В них Бисмарк уже не ставился в один ряд, как это было с историческими символическими фигурами, а часто прямо отождествлялся с героями германского эпоса. Тем самым бывший канцлер, взятый уже вовсе вне всякого исторического контекста, должен был воплощать неизменность и чистоту пронесенной сквозь века «немецкой сути». Так, Бисмарк связывался с Зигфридом: у цоколя памятника Бисмарку в Берлине Зигфрид кует для «основателя империи» меч; в планировавшемся «национальном памятнике» на Рейне обе фигуры и вовсе сливаются: «Бисмарк как освободитель народа от чуждой сути должен быть олицетворен юным Зигфридом, этим образом света и силы германской саги, рожденной на Рейне» (Goebel 2006: 148). Бисмарк предстает еще в одной ипостаси Зигфрида – как «убийца дракона». Характерная для ритуалов памяти в Германии причудливая смесь христианства и язычества, средневековых и германских традиций (52) в трактовках Бисмарка проявлялась в полной мере: «драконоборцем» он выступал то в облике Зигфрида, то – как на главном портале рейхстага – в образе Св. Георгия (Galle 2002: 107–108). Под «драконом» также понималась то внутренняя рознь, то побежденная Франция. Открытки тиражировали подобные образы, иногда снабжая их комментариями, позволяющими понять суть аллегорий.

Более простая визуальная стратегия изображения Бисмарка в качестве «германца» заключалась не в сравнении либо отождествлении его с легендарными героями древности и персонажами мифов, а в наделении специфическими «германскими» атрибутами. Например, на одной из открыток Бисмарк-кузнец предстает не в привычной остроконечной каске – «пикельхаубе», а в крылатом шлеме; иногда подпись к изображению делалась стилизованными «руническими» буквами.

«Национализация» Бисмарка с помощью описанных выше стратегий, превращение его из реальной исторической личности в символ не только созданного им рейха, но и немцев как таковых, способствовали в дальнейшем использованию его фигуры в конкретных политических целях. Бисмарк-символ позволял проецировать на себя интересы и установки различных политических групп и идеологических течений, между которыми возникало своеобразное соперничество за право трактовки Бисмарка именно в своем ключе. Демонстрация наибольшей приверженности Бисмарку позволяла представить себя в качестве его подлинного наследника и претендовать на приоритет в этом соперничестве (Frankel 2005: 9–10). Наряду с другими способами такой демонстрации (активность в проведении разного рода памятных мероприятий, сооружения памятников Бисмарку, риторические отсылки к нему) важным средством выступали открытки.

С помощью открыток различные немецкие политические силы пытались инструментализировать наследие Бисмарка – как реальное, так и воображаемое. Примером первого являются ссылки противников католической партии Центра на проводившуюся им политику «культур-кампа». В одной из предвыборных открыток они остроумно переиначили известную картину «Народы Европы, храните свои святые богатства», написанную в 1895 г. по проекту Вильгельма II: вынырывающий из облаков Бисмарк показывает кулак католикам, а в роли «святых богатств» выступают немецкие символы – Рейн и статуя «Германии». Бисмарка сделали своим знаменем также консервативные аграрии объединения «Союз сельских хозяев», недовольные таможенной политикой канцлера Каприви. Так, одна из открыток приводит лозунг Бисмарка из его выступления перед представителями «Союза» в 1895 г.: «За стебель и колос!»². На другой открытке Бисмарк изображен на фоне идущего за плугом крестьянина, и приводится его высказывание: «Я тоже немецкий крестьянин». Помимо конкретного политического контекста здесь обращают на себя внимание также «почвеннические» коннотации, уже знакомые нам по «германскому лесу»: «крестьянин» Бисмарк обрабатывал «национальную», «германскую» землю; ее же он «обрабатывал», «культивировал» как политик (Pag 1992: 80).

Гораздо более проблемной была трактовка взаимоотношений с рабочими, со времен гонений на их партию и ее лидера Августа Бебеля относившимися к Бисмарку враждебно. Широкого распространения эта тема на открытках не получила, хотя делались отсылки на ключевую роль Бисмарка в создании социального законодательства Германии, в частности, цитировалось его высказывание из речи 9 мая 1884 г.: «Дайте рабочему право на труд, если он здоров, обеспечьте ему уход, если он болен, обеспечьте ему средства к существованию, если он стар»³. Однако даже такой сюжет оказалось возможным трактовать «национально». Открытка, выпущенная австрийским «Союзом немецких рабочих альпийских провинций» (Breitenborn 1990: 79), поместила эту цитату под расхожим образом «Бисмарка – кузнеца империи», существенно изменив его смысл. Бисмарк, с засученными рукавами и в кожаном фартуке, становился «рабочим», символом труда – но труда «немецкого». Провозглашалась солидарность скорее не социальная, а национальная: Бисмарк был здесь задействован не столько в своей исторической роли создателя социального законодательства, сколько как символическая фигура, воплощавшая «немецкость» и предлагавшаяся австрийским рабочим именно в этом качестве. Несмотря на аутентичную цитату, мы видим смещение акцента с исторического наследия Бисмарка на воображаемое, приписываемое, символическое – и гораздо более востребованное, особенно в правой части политического спектра. В первую очередь речь идет о фёлькишских организациях Германии и

Австро-Венгрии, сотрудничавших и оказывавших друг на друга взаимное влияние.

«Бисмарк – Вотан»

В случае с выпускавшимися на рубеже веков открытками австрийских немцев разрыв между историческим и символическим Бисмарком очевиден более всего: как раз Бисмарк в 1866 г. изгнал Австрию из Германии, но стал теперь для австрийских немцев символом национального единства. Наряду с различными националистическими течениями и объединениями, действовавшими в Германии, именно немецкие националисты Австро-Венгрии оказались главным двигателем «национализации» образа Бисмарка, не удовлетворяясь недостаточной для них трактовкой его как «основателя империи» и превращая его в важнейший национальный миф.

Для немецких националистов раздираемой противоречиями Австро-Венгрии Бисмарк стал символом борьбы за «германство», в которой открыткам отводилась далеко не последняя роль. Многочисленные националистические объединения использовали их в предвыборной борьбе, для привлечения новых сторонников, а также в качестве способа финансирования их деятельности. Одним из самых ярких «бисмаркианцев» являлся лидер австрийских пангерманистов Георг фон Шёнерер, занимавший крайние антиславянские и антисемитские позиции (Wladika 2005: 88–90).

Активнее всего издание открыток практиковали в Австро-Венгрии так называемые немецкие ферейны (общества) защиты, ставившие своей целью национальную пропаганду, а также поддержку немецкого языка в этнически смешанных регионах. Наиболее крупными из них являлись «Немецкий школьный ферейн» («Шульферейн») и «Ферейн Зюдмарк».

Если в Германии в 90-е гг., несмотря на стремительную «национализацию» Бисмарка, его фигура все же не до конца потеряла связь с реальной политикой, в том числе благодаря едкой критике, которой «старец из Фридрихсру» через подконтрольные органы прессы подвергал сменивших его политиков «нового курса», то в Австро-Венгрии подобной политической привязки не существовало, и превращение Бисмарка в абстрактный символ всего немецкого шло быстрее, тем более что и потребность в этом из-за остроты национальных противоречий была выше. Поэтому часто для заявления политической и национальной позиции оказывалось достаточным уже простой репродукции какого-либо портрета Бисмарка с логотипом соответствующего ферейна. Характерно, что и противная сторона – соперничавшие с немцами в языковых конфликтах славянские народы, прежде всего чехи, а также отчасти

австрийские власти, воспринимали фигуру Бисмарка на открытках именно как выражение немецкого национализма. Например, националистическая и антисемитская газета «Немецко-социальные листки» осенью 1897 г. с возмущением сообщала об участившихся случаях, когда в Богемии почта не пропускала открытки с портретами Бисмарка (Deutsch-Soziale Blätter 28.10.1897; 25.11.1897).

Изображения Бисмарка часто наделялись дополнительными смыслами с помощью различных атрибутов, комментариев, цитат, разного рода фольклорных и литературных аллюзий. Так, своеобразным кодом для обозначения радикальных «немецко-национальных» взглядов являлось изображение василька (Weißmann 1991: 35, 38; Retterath 1997: 409–411). «Прусский цветок», связанный с культом королевы Луизы и любимый цветок ее сына, первого императора объединенной Германии Вильгельма I (Förster 2011: 106–107), трактовался как выражение «немецкой верности» и стал для пангерманистов Австро-Венгрии и их единомышленников в Германии наглядным выражением политического кредо. Букет васильков, добавленный на открытке к портрету Бисмарка, превращал ее в послание, требовавшее продолжить дело «железного канцлера» по объединению немцев. Похожий смысл имело и использование черно-красно-золотых цветов, которые далеко не всегда воплощали собой демократическую традицию, как в трактовках нынешнего флага ФРГ. Напротив, эти цвета широко применялись различными националистическими, антисемитскими и антиславянскими объединениями и течениями в Германии и Австро-Венгрии (Weißmann 1991: 34, 36).

Кульť «германцев» получил среди радикальных немецких националистов Австро-Венгрии и Германии особое распространение. Типичным сюжетом открыток рубежа веков было изображение «германцев», поклоняющихся Бисмарку, часто в сочетании с каким-либо воинственным призывом. Присутствие Бисмарка показывало, что, несмотря на шкуры и крылатые шлемы, речь идет о современных немцах, которым предлагалось открыть в себе «германство», объединившись вокруг его главного теперешнего символа. Иногда Бисмарк оказывался фактически возведенным в пантеон германских богов. На одной из открыток А. Шмидхаммера, известного иллюстратора рубежа веков и горячего почитателя Бисмарка, щит Вотана, наблюдающего за пиром в Вальгалле, украшен фамильным гербом Бисмарка (наложенные друг на друга трилистники клевера и дуба), который приведенное тут же четверостишие объявляет «гербом всех немцев» (рис. 2). На других открытках Бисмарк превращается непосредственно в Вотана. Узнавание его в этом качестве обеспечивалось широко известным благодаря операм Вагнера сценическим атрибутам Вотана-странника – широкополой шляпе с посохом или копьем, а также сопровождавшей его паре воронов или паре волков.

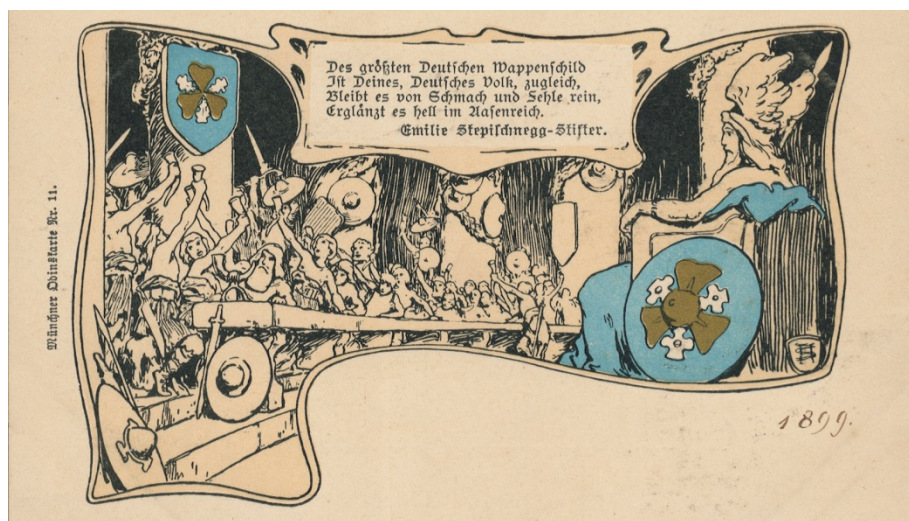

Рис. 2. Пир в Вальгалле. Мюнхен: Один, 1899

Еще одна открытка избавляет зрителя от всякой необходимости подобного декодирования, заявляя о своем содержании прямо: «Вотан – Бисмарк». Историческое, легендарное и символическое сливаются здесь в единый «национальный» комплекс. В основании композиции в медальоны с обрамлением из дубовых листьев помещены «национальные герои» – Карл Великий, Фридрих Барбаросса и Лютер, а ее центральными фигурами являются схожие внешне и статью Вотан и Бисмарк. На фоне стоящего между ними дуба помещены стихи, говорящие о том, что Вотан не исчез, а сокрылся в «святом зеленом лесу» и возрождается всякий раз в помощь немецкому народу – сначала в облике прежних трех героев и теперь в образе «старца из Заксенвальда» (рис. 3). Здесь явственно проступают черты сакрализации фигуры Бисмарка, проявляющиеся не только в его отождествлении с богом, считавшимся «всеобщим отцом» (Graf 2015: 151), но и в наделении его чертами мессии, который в случае необходимости явится и спасет.

Как и в Австро-Венгрии, в Германии фигура Бисмарка также оказалась востребованной со стороны разного рода националистических фёлькишских организаций. Одной из них был созданный в 1891 г. Пангерманский союз. В 1895 г. пангерманцы сделали Бисмарка почетным членом своей организации, невзирая на то, что их цели, в частности стремление к экспансии, были прямо противоположны той политике, которую в свое время проводил Бисмарк. Однако, как и в других случаях, превращение Бисмарка в икону немецкого национализма позволяло инструментализировать его фигуру практически любым образом.

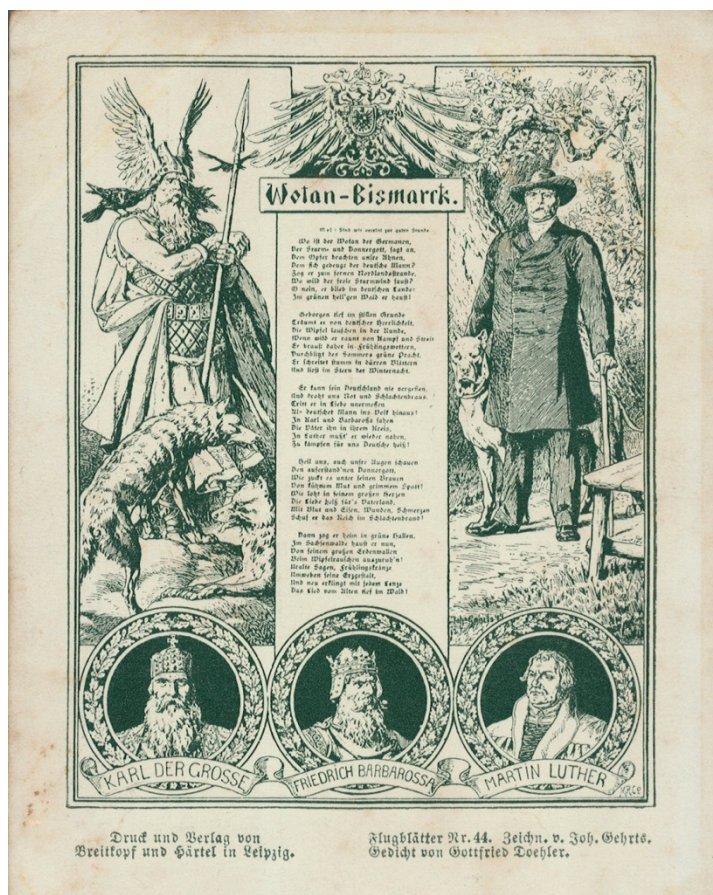

Рис. 3. Бисмарк – Вотан. Лейпциг: Брейткопф и Хэртель, 1899

Пангерманцы использовали ее для критики, на их взгляд, слишком осторожного внешнеполитического курса Германии на рубеже веков (Hering 2006: 24). Открытки с Бисмарком служили одним из средств агитации союза (May 2014: 183–184).

В качестве отклика на создание австрийского «Немецкого школьного ферейна» в 1881 г. в Берлине был основан «Всеобщий немецкий школьный ферейн за сохранение германства за границей» (с 1908 г. – «Ферейн за германство за границей»). Бисмарка сделал своим знаменем и «Немецко-национальный союз торговых служащих» – фёлькишская, националистическая и антисемитская организация. На одной из ее открыток барельеф Бисмарка украшал средневековый щит, что в сочетании с надписью «Немецкий привет из немецкой земли» и неизбежными дубовыми листьями позволяло представить бывшего канцлера как защитника «немецко-национальных» интересов.

«Немецкий союз Восточной марки», созданный в 1894 г. с целью защиты «германства» в польских землях Германской империи, также апеллировал к Бисмарку, известному своим часто негативным и даже пренебрежительным отношением к полякам, едва ли не активнее других. Накануне учреждения союза его будущие члены совершили массовое «паломничество» во Фридрихсру за своеобразным благословением бывшего рейхсканцлера. В открытках союза цитировалось искаженное и вырванное из контекста (Puschner 2006: 161) высказывание Бисмарка о том, что «ни одной пяди немецкой земли не должно быть потеряно».

О подлинно массовом значении фигуры Бисмарка для немецкого национализма рубежа веков свидетельствует активность женщин. В 1894 г. почитательницами Бисмарка был создан женский бисмарковский ферейн «Союз трилистника», близкий по своим взглядам к пан-германистам (Bruns 1991: 122), который также начал широко издавать открытки с изображением своего кумира.

В целом открытки фелькишских и националистических объединений не только восприняли образ Бисмарка как символической национальной фигуры, но и радикализировали и политизировали его, подчиняя собственным целям, наделяя агрессивными и отчасти расистскими чертами. Фактически они попытались узурпировать символическое значение фигуры Бисмарка, «немецкость» которой должна была быть абсолютной. В числе прочего это означало возможность антисемитской трактовки образа Бисмарка. Возмущение националистов вызывало даже издание предпринимателями-евреями открыток с Бисмарком. Так, антисемитские «Немецко-социальные листки» с негодованием сообщали, что в витринах многих лавок «выставлены открытки с Бисмарком... издатель которых носит прекрасное имя Макс Маркус. И похвалы этим открыткам мы находим даже в рекламных отделах немецко-национальных газет!» (Deutsch-Soziale Blätter 18.10.1898). В свою очередь, попытки инструментализировать образ Бисмарка на открытках в антисемитских целях встречали критику со стороны либерального «Ферейна по отпору антисемитизма». По поводу выпуска очередных подобных открыток его печатный орган писал: «Использовать имя Бисмарка в таком отношении и с коммерческими целями – это с антисемитской агитации станется» (Mitteilungen aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus 22.04.1899).

Таким образом, «открытки с Бисмарком» оказывались не только средством агитации, но периодически могли вызывать резонанс в более широкой публичной сфере. Весьма активно они задействовались также в различных социальных практиках националистов, в частности в разного рода празднествах и инициативах поклонения Бисмарку.

«Как во времена саксов и норманнов...»

Политические мифы становятся действенными не в последнюю очередь благодаря связанными с ними разного рода социальным интеракциям – празднествам, церемониям, ритуалам, созданиям памятников (Speth 2000: 115–126). Это в полной мере относилось и к фигуре Бисмарка, по сути, превращавшейся в политический миф. В такого рода инициативах вновь наибольшую активность проявляли националистические и фёлькишские круги, включившие, в частности, в число пангерманских (Alldeutsche) празднеств «день Бисмарка» (1 апреля, день его рождения) – наряду с «древнегерманскими» праздниками летнего и зимнего солнцестояния. «Германство» Бисмарка нередко доносилось уже самым выбором места действия. Так, в 1900 г. националисты из Баварии и их австрийские гости праздновали день летнего солнцестояния перед памятником Бисмарку на Штарнбергском озере близ Мюнхена (Bozner Zeitung 23.06.1900). Соответствующие открытки служили популяризации этих праздников, а также находили применение непосредственно на них, о чем свидетельствует приурочивание издания открыток к данным событиям (Bozner Zeitung 13.06.1900). Например, такие открытки заказывало художникам «немецко-фёлькишское издательство «Один» из Мюнхена (Bozner Zeitung 29.05.1900). На одном из устроенных им конкурсах «среди художников немецкой нации» на лучшую «немецко-национальную открытку» высших премий удостоились открытки с сюжетами о празднике солнцестояния и о Бисмарке (Grazer Tagblatt 21.05.1899).

Этот эпизод может являться примером многофункциональности открытки для связей представителей фёлькишского движения по обе стороны австро-германской границы: открытка не только свидетельствовала об их полной идейной близости (не случайно победителем конкурса стал богемский немец), не только распространяла соответствующие образы и задействовалась непосредственно на самом празднике, но и служила более практическим целям сотрудничества – национальные фереины Австро-Венгрии приглашались к приобретению подобных открыток, причем указывалось, что часть прибыли будет передана обществам «Зюдмарк», «Нордмарк» и «Союзу немцев Богемии» (Grazer Tagblatt 20.06.1899).

Наряду с участниками радикальных националистических «фереинов» активнее всего культ Бисмарка распространяли объединения формально не «национального» характера, но справедливо относимые к феномену «организованного национализма» (Düding 1984) – «гимнастические», «певческие» и «стрелковые» общества, а также студенческие корпорации. В отличие от националистических фереинов, «неполитические» союзы не выдвигали определенных программ, однако об-

ладали гораздо большей численностью (например, в начале XX в. объединения «гимнастов» насчитывали свыше 1 млн человек) и образовывали массовую «бисмарковскую» среду, в которой активнее всего шло превращение Бисмарка в национальный символ, в том числе посредством участия в соответствующих социальных практиках и ритуалах – «паломничествах» во Фридрихсру, празднованиях дня рождения Бисмарка, сооружении памятников ему и т.д. Свою роль играли и открытки. Они включали Бисмарка в «гимнастическую» культуру, помещая, например, его портрет рядом с портретом основателя движения Ф.Л. Яном; для информации о мероприятиях таких объединений (создании новых ферейнов, общегерманских состязаниях) часто использовались уже имеющиеся открытки с «бисмарковским» сюжетом, для чего надпечатывался текст или просто ставился штамп организации на обратной стороне.

Движение «гимнастов» не было единым, располагаясь на шкале от патриотизма до агрессивного национализма, особенно на окраинах Германской империи и в Австро-Венгрии. В частности, в монархии Габсбургов открытки добавляли к портретам Яна и Бисмарка изображение Шёнерера, выстраивая, таким образом, пангерманскую перспективу от мечтавшего о национальном объединении «отца гимнастов» через осуществившего эту мечту основателя Германской империи к новому вождю, призывавшему довершить «дело Бисмарка» и создать «великую Германию» (May 2014: 191).

Огромную роль в распространении культа Бисмарка и придании ему нового качества сыграли студенческие объединения – как традиционные корпорации, так и основанная в 1880–1881 гг. общегерманская организация «Ферейн немецких студентов», националистическая и антисемитская (Zierlewagen 2015). Студенты проявляли огромную активность во всех формах почитания Бисмарка – ежегодных торжественных празднествах в его честь, так называемых коммерсах, коллективных обращениях к нему, «паломничествах» во Фридрихсру (в 1895 г. – около 5 тыс. представителей практически всех студенческих объединений), инициативах по строительству памятников.

В декабре 1898 г. немецкое студенчество обратилось «к немецкому народу» с призывом сооружать в честь Бисмарка памятники совершенно нового типа – не привычные фигуративные, а символические «огненные колонны»: «...как во времена древних саксов и норманнов над телами их павших витязей возвышались простые скалы-колонны, вершины которых несли сигнальные огни, так мы хотим в честь нашего Бисмарка на всех возвышенностях нашей родины... воздвигнуть мощные носители огня из гранита» (Alings 1996: 235). Наверху каждой башни должна была располагаться огромная чаша с горючим материалом, которую следовало зажигать в день рождения Бисмарка 1 апреля, а

также в «германский» праздник летнего солнцестояния 21 июня. Всего было создано 203 монумента, включая уже существовавшие «башни Бисмарка», поверх смотровых площадок которых сооружались чаши для огня (Zierlewagen 2015: 55).

В самой идее памятника отразились характерные черты немецкого национализма рубежа веков – «германский» мистицизм, культ «леса» и «почвы» (колонны должны были, по возможности, воздвигаться в лесистой местности и из местного материала, «вырастать» из местной почвы) (Parr 1992: 85), а также дальнейшая деперсонализация Бисмарка, превращение его проекционную поверхность для все более агрессивного национализма (Koch 2006: 80).

Открытки играли существенную роль как в практической, так и в символической сторонах сооружаемых памятников. Путем продаж открыток частично финансировалось их строительство и осуществлялось дальнейшее содержание. Они распространяли информацию об открытии очередной колонны, а в дальнейшем представляли ее как местную достопримечательность – как и другие памятники Бисмарку, колонны становились известными публике не только и даже не в первую очередь в качестве оригиналов, сколько в различных изображениях, причем все памятники можно было увидеть и купить на открытках (Gerwarth 2005: 22; Alings 2006: 534). Особенно важной была предметная визуализация студенческого начинания, грандиозный масштаб которого осознавался лучше, если совершаемое «всей Германией» своеобразное огненное поклонение Бисмарку можно было окинуть взглядом на открыточной витрине. Виртуальное первенствовало над реальным и в ином отношении: если в действительности попытки разжечь чаши часто сталкивались с техническими сложностями, то на открытках – благодаря дорисовкам к фотографиям и художественным изображениям – во славу Бисмарка полыхали столбы пламени самых эффектных оттенков (May 2014: 169–171).

«Хайль великому Бисмарку!»

В «открытках с Бисмарком» в полной мере проявилась та особенность, которая делает открытку поистине уникальным источником – возможность анализа непосредственной реакции человека на предложенное ему изображение.

Судить о репрезентативности подобных откликов с окончательной уверенностью едва ли возможно, однако нельзя не отметить, что тексты личных посланий нередко перекликались с предложенными издателями образами и текстами. В целом, чем большей степенью аллегоричности и «национальной насыщенности» обладала открытка, тем более вероятным становился соответствующий отклик на нее в личном послании.

Напечатанным «немецким» приветствиям часто соответствовали такие же рукописные, иными словами, содержательное послание подобной открытки было понято и принято, и выбор именно в ее пользу был сделан совершенно сознательно. Более того, посредством «истинно-германских» приветствий потребители иногда придавали более «национальный» смысл даже открыткам, которые визуальнo и текстуально не приглашали их это делать. Речь идет, например, об открытках с репродукциями портретов и памятников Бисмарку. Так, посланная из Вены в сентябре 1898 г. открытка лейпцигского издателя предлагает образ Бисмарка не столько как национального символа, сколько в качестве «создателя империи»: изображается ее провозглашение в Версале в 1871 г., цитируется придуманная самим Бисмарком надгробная эпитафия, говорящая о нем как о «верном немецком слуге кайзера Вильгельма I». Текст же личного послания гораздо более «национален»: «Неподдельный немецкий привет от твоего дяди» (рис. 4).

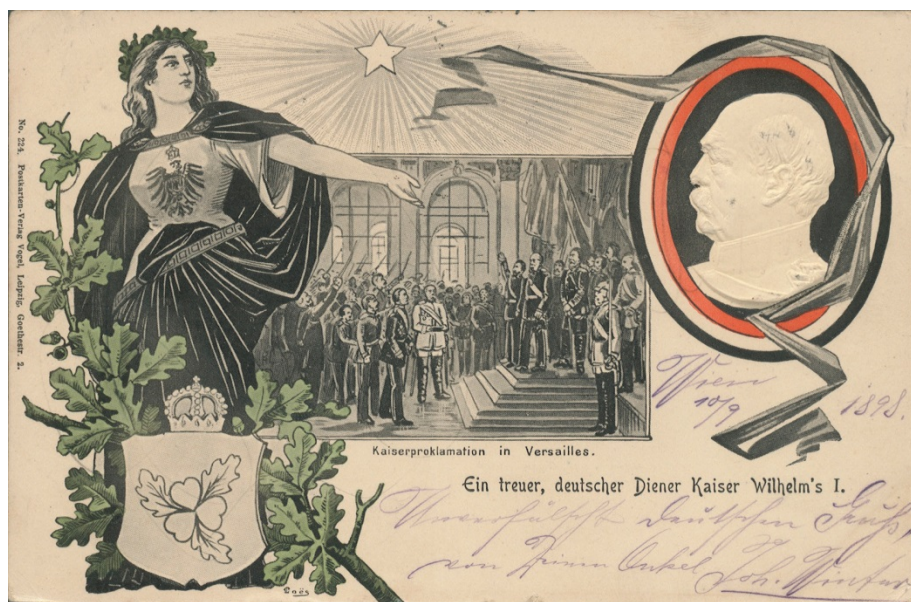

Рис. 4. Провозглашение Германской империи в Версале. Лейпциг: Фогель, 1898

«Национальный образ мыслей» автора очевиден как из использования излюбленного словосочетания из лексикона речей Шёнерера (издававшего также газету «Неподдельные немецкие слова»), так и из самого факта отправки открытки, единственной целью которой была демонстрация его национальной позиции. Даже простой репродукции портрета Бисмарка иногда оказывалось достаточно, чтобы выразить «национальный образ мыслей» короткой подписью «хайль!» под ним

или “хайль” великому Бисмарку». Приветствие «хайль» имело давние корни (Behrenbeck 2009), но к рубежу веков стало считаться «истинно-немецким» и получило широкое распространение в фёлькишском и пангерманском движениях (Schmitz-Berning 1998: 299–300). Именно это приветствие в сочетании с соответствующей картинкой является достаточно надежным маркером националистических настроений отправителя.

Особенно часты такого рода отклики на открытки с аллегорическими национальными сюжетами. Так, на открытку, где с изображением Бисмарка соседствует едва ли не весь символический комплекс немецкого национализма (статуя «Германии», дубовые листья, васильки и самая знаменитая цитата Бисмарка «Мы, немцы, боимся только Бога и больше ничего на свете!»), отправитель откликнулся следующим текстом: «Хайль! Внимал ли песне ты дубов старинных, немецкий мой народ» (рис. 5). Никакой личной информации открытка не содержит, лишь это характерное приветствие и цитату из «Песни Бисмарка». Подобные открытки, отправители которых предоставляли в большей степени «говорить» изображению, так или иначе с ним солидаризуясь, не являются редкостью. С точки зрения функций их допустимо сравнить с современной социальной сетью в Интернете: задача заключалась в поддержании контакта внутри сообщества по определенным – в данном случае национальным – интересам, изложенным понятным всем членам символическим языком; подтверждался статус принадлежности к этому сообществу; иногда изображение предлагали «оценить», отсылая к нему в тексте послания; распространялась специфическая для этого сообщества информация. С точки зрения подобных функций конкуренцию дешевой, не требовавшей практически никаких затрат по времени, адресной по изобразительному содержанию и быстро доставлявшейся почтой открытке не могли составить ни пока еще мало доступный телефон, ни традиционное письмо. Тексты открыток свидетельствуют, что фигура Бисмарка безоговорочно принималась радикальными националистами в качестве символического воплощения их политических целей, и выбор в пользу таких открыток осуществлялся осознанно, даже если на то нет прямых указаний. Это верно, например, для открытки со следующим текстом, отправленной из Гамбурга в сентябре 1898 г.: «К моей огромной печали я узнал о несчастном случае с нашим дорогим вождем профессором Хассе⁴... Немецким братьям, собравшимся на съезд Пангерманского союза, шлю я многократный продолжительный хайль, да найдет он эхо у всех немцев и разбудит спящих» (рис. 6).

Для студентов открытки в своем качестве личного послания также служили средством поддержания коммуникационного сообщества на «национальной» основе, подтверждаемого символическими и ритуальными действиями. Так, текст личного послания на одной открытке

1905 г., изображающей бравого студента на фоне «колонны Бисмарка», звучит следующим образом: «Посылаю тебе привет с коммерса по случаю закладки колонны Бисмарка» (May 2014: 169).

Рис. 5. Бисмарк. Памятная открытка. Вена: Карл Швидернох, 1898

Рис. 6. Бисмарк. Памятная открытка. Ханау: Аугуст Брунинг, 1898

В современных исследованиях много внимания уделяется различным формам и средствам создания национальной идентичности – символическим фигурам, памятникам, разного рода ритуалам и празднествам. Открытка же не только отражала каждый из них, но и была средством персональной идентификации с национальным символом, а также ее демонстрации. Важно отметить, что открытка являлась феноменом гражданского общества – издание открыток и все их функции никак не направлялись властями, а были делом личной и гражданской инициативы. Распространяя новый национальный символ в лице Бисмарка визуально, открытка не ограничивалась созерцательностью, она позволяла социальное действие: уже просто купив открытку с «бисмарковским» сюжетом, можно было заявить о своей «национальной» позиции, внести вклад в сооружение памятника, выразить почтение самому «старцу из Фридрихсру» и его близким, подтвердить свое членство в одном из национальных сообществ и т.д. Учитывая массовость этого феномена (только в 1910 г. открытки с простыми портретами Бисмарка достигли общего тиража в 1,5 млн) (May 2014: 102), нужно признать открытку важным средством «национализации масс», поскольку к этому моменту сама фигура Бисмарка была уже отделена от исторического прототипа и «национализирована» настолько, что вполне могла выполнять подобную функцию. Как показано выше, особую роль в этих процессах сыграли представители разного рода правых и националистических организаций. Во многом благодаря их активности культ Бисмарка получал все более широкое распространение. Это показала Первая мировая война, массово воспринятая в Германии как война за «дело Бисмарка».

Примечания

¹ Источниковой базой для разработки темы «Бисмарк в открытке» послужили открытки, опубликованные в иллюстрированных изданиях May O. Bismarck und sein Mythos auf Postkarten. Hildesheim, 2014. (свыше 500 шт.) и Breitenborn K. Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer. Frankfurt, Leipzig, 1990. (ок. 100 шт.), открытки из коллекции университета Оснабрюка <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/index.php?cat=93> (80 шт.), а также из частных коллекций.

² Приведена в: May O. Op. cit. S. 121. Речь идет о противопоставлении аграрной политике Каприви, который в выступлениях в рейхстаге в 1893 г. подчеркнуто характеризовал себя как *не* агрария, как человека «без стебля и колоса».

³ О контексте и смысле этого высказывания см.: Kunisch J. Bismarck und seine Zeit. Berlin, 1992. S. 176.

⁴ Очевидно, что речь идет об Э. Хассе (1846–1908) – одном из основателей Пангерманского союза.

Литература

Alings R. Monument und Nation: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal: zum Verhältnis von Nation und Staat im deutschen Kaiserreich 1871–1918. Berlin: De Gruyter, 1996.

- Allgemeine Poststatistik für 1901* // Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts. 1903. № 15. S. 457–458.
- Behrenbeck S.* “Heil” // François E., Schulze H. (eds.) *Deutsche Erinnerungsorte*. München: C.H. Beck, 2009. Bd. III. S. 291–308.
- Bozner Zeitung*. 23.05.1990; 13.06.1990; 23.06.1990.
- Breitenborn K.* Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer. Frankfurt am Main; Leipzig: Keip, 1990.
- Bruns K.* Völkische und deutschnationale Frauenvereine im “zweiten Reich” // Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur “Völkischen Bewegung”*. München: Saur, 1991. S. 377–380.
- Deutsch-Soziale Blätter*. 28.10.1897; 25.11.1897.
- Düding D.* Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847): Bedeutung und Funktion der Turner und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung. München: Oldenbourg, 1984.
- Förster B.* Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des “Idealbilds deutscher Weiblichkeit”, 1860–1960. Göttingen; V & R unipress, 2011.
- Frankel R.E.* Bismarck's Shadow. The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898–1945. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Galle M.* Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts. München: Herbert Utz, 2002.
- Gerwarth R.* The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Goebel S.* The Great War And Medieval Memory: War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Graf A.* “Los von Rom” und “heim ins Reich”: Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859–1914. Berlin: LIT, 2015.
- Grazer Tagblatt*. 21.05.1899; 20.06.1899.
- Hartung G.* Völkische Ideologie // Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur “Völkischen Bewegung”*. München: Saur, 1996. S. 22–41.
- Hering R.* “Dem besten Steuermann Deutschlands”. Der Politiker Otto von Bismarck und seine Deutung im radikalen Nationalismus zwischen Kaiserreich und “Drittem Reich”. Friedrichruh: Otto-von-Bismarck-Stiftung, 2006.
- Koch L.* Der Erste Weltkrieg als Medium der Gegenmoderne: zu den Werken von Walter Flex und Ernst Jünger. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2006.
- Kunisch J.* Bismarck und seine Zeit. Berlin: Duncker & Humblot, 1992.
- Lehmann A.* Von Menschen und Bäumen. Die Deutschen und ihr Wald. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1999.
- Kaul C.G.* Friedrich Barbarossa im Kyffhäuser: Bilder eines nationalen Mythos im 19. Jahrhundert. Köln: Böhlau, 2007.
- Kipper R.* Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich: Formen und Funktionen historischer Selbstthematization. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.
- Machtan L.* Einführung // Bismarck und der deutsche National-Mythos. Bremen: Temmen, 1994. S. 6–13.
- May O.* Bismarck und sein Mythos auf Postkarten. Hildesheim: Franzbecker, 2014.
- Mitteilungen* aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus. 22.04.1899.
- Osmond J.* Politische Symbolik in der deutschen Kunst // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. № 20. S. 22–30.
- Parr R.* “Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust”. Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860–1918). München: Fink, 1992.
- Puschner U.* Katholisches Milieu und allddeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift “Odin” (1899–1901) // Grunewald M., Puschner U. (eds.) *Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871–1963) / Das katholische Intellektu-*

- ellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871–1963). Bern: Peter Lang, 2006. S. 143–167.
- Retterath H.-W. Von “deutscher Treue” bis zu “deutscher Weltgeltung”. Zur Symbolik der auslanddeutschen Kulturarbeit in der Zwischenkriegszeit am Beispiel ihrer Institutionsabzeichen // Brednich R.W., Schmitt H. (eds.) Symbole. Zur Bedeutung der Zeichen in der Kultur. Münster, New York, München, Berlin: Waxmann, 1997. S. 408–421.
- Schmidt G. Luther und die Freiheit seiner “lieben Deutschen” // Schilling H. (ed.) Der Reformator Martin Luther 2017: eine wissenschaftliche und gedenkpolitische Bestandsaufnahme. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin; New York: De Gruyter, 1998.
- See K. v. Deutsche Germanen – Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag, 1970.
- Speth R. Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert. Opladen: Leske + Budrich, 2000.
- Weißmann K. Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945. Düsseldorf: Droste Verlag, 1991.
- Wilson J.K. The German Forest: Nature, Identity, and the Contestation of a National Symbol, 1871–1914. Toronto: University of Toronto Press, 2012.
- Wladika M. Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2005.
- Zechner J. “Ewiger Wald und ewiges Volk”: Der Wald als nationalsozialistischer Idealstaat // Gröning G., Wolschke-Bulmahn J. (eds.) Naturschutz und Demokratie? München: Martin Meidenbaue, 2006. S. 115–120.
- Zirlewagen M. “Sinnbild der Einheit Deutschlands”: Die Bismarcksäule auf der Rothenburg im Kyffhäuser. Norderstedt: Books on Demand, 2015.

Статья поступила в редакцию журнала 15 ноября 2017 г.

Medyakov Alexander S.

“HEIL, BISMARCK!” THE “IRON CHANCELLOR” AS A SYMBOLIC FIGURE OF GERMAN NATIONALISM IN POSTCARDS AT THE TURN OF THE 19TH TO THE 20TH CENTURIES

DOI: 10.17223/2312461X/20/11

Abstract. For the first time studied and presented here is the role of postcards in the formation of Bismarck’s image as one of the key symbols of German nationalism at the turn of the 19th to the 20th centuries. Ways of mythologising and “nationalising” this real historical figure are shown, as well as the special role in this process of right-wing nationalist groups and organisations of Germany and Austria-Hungary. The main way to endow Bismarck’s image with nationalist meanings was to create a verbal and visual connection between him and the already established nationalist symbols, which eventually made him closely associated with these. The article shows the instrumentalisation of Bismarck’s figure by various political forces for their own purposes, as well as some related competing interpretations of theirs. Being a mass medium, postcards were used as an important element in spreading the image of Bismarck. Furthermore, the article analyses iconography, as well as contexts, codes, and attributes which made it possible to perceive Bismarck in a nationalistic way. It indicates distinctive features of the postcard as a historical source which allowed exploring not only the actual visual images but also the reaction to them in personal messages of the postcards. The integrated analysis of the postcards led to a conclusion that the choice of postcard images was consciously made by people of nationalist orientation, and that these postcards acted as an

important means of communication for them, while the figure of Bismarck himself turned into one of the symbols of nationalism.

Keywords: Bismarck, postcards, nationalism, national myth, Germany, Austria-Hungary, völkisch movement

References

- Alings R. *Monument und Nation: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal: zum Verhältnis von Nation und Staat im deutschen Kaiserreich 1871–1918*. Berlin: De Gruyter. 1996.
- Allgemeine Poststatistik für 1901, *Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts*, 1903, no. 15, pp. 457–458.
- Behrenbeck S. "Heil". In: François E., Schulze H. (eds.) *Deutsche Erinnerungsorte*. Bd. III. München: C.H. Beck, 2009, pp. 291–308.
- Bozner Zeitung*. 23.05.1990; 13.06.1990; 23.06.1990.
- Breitenborn K. *Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer*. Frankfurt am Main, Leipzig: Keip, 1990.
- Bruns K. Völkische und deutschnationale Frauenvereine im "zweiten Reich". In: Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur "Völkischen Bewegung"*. München: Saur, pp. 377–380.
- Deutsch-Soziale Blätter*. 28. 10.1897; 25.11.1897.
- Düding D. *Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847): Bedeutung und Funktion der Turner und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung*. München: Oldenburg, 1984.
- Förster B. *Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des "Idealbilds deutscher Weiblichkeit", 1860–1960*. Göttingen; V & R unipress, 2011.
- Frankel R.E. *Bismarck's Shadow. The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Galle M. *Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts*. München: Herbert Utz, 2002.
- Gerwarth R. *The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Goebel S. *The Great War And Medieval Memory: War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914–1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Graf A. "Los von Rom" und "heim ins Reich": *Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859–1914*. Berlin: LIT, 2015.
- Grazer Tagblatt*. 21.05.1899.
- Hartung G. Völkische Ideologie. In: Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur "Völkischen Bewegung"*. München: Saur, pp. 22–41.
- Hering R. „Dem besten Steuermann Deutschlands“. *Der Politiker Otto von Bismarck und seine Deutung im radikalen Nationalismus zwischen Kaiserreich und „Drittem Reich“*. Friedrichsruh: Otto-von-Bismarck-Stiftung, 2006.
- Koch L. *Der Erste Weltkrieg als Medium der Gegenmoderne: zu den Werken von Walter Flex und Ernst Jünger*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2006.
- Kunisch J. *Bismarck und seine Zeit*. Berlin: Duncker & Humblot, 1992.
- Lehmann A. *Von Menschen und Bäumen. Die Deutschen und ihr Wald*. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1999.
- Kaul C.G. *Friedrich Barbarossa im Kyffhäuser: Bilder eines nationalen Mythos im 19. Jahrhundert*. Köln: Böhlau, 2007.
- Kipper R. *Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich: Formen und Funktionen historischer Selbstthematization*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.

- Machtan L. Einführung. In: Machtan L. (ed.). *Bismarck und der deutsche National-Mythos*. Bremen: Temmen, 1994. S. 6-13.
- May O. *Bismarck und sein Mythos auf Postkarten*. Hildesheim: Franzbecker, 2014.
- Mitteilungen aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus*. 22.04.1899.
- Osmond J. Politische Symbolik in der deutschen Kunst, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 2006, no. 20, pp. 22-30.
- Parr R. „Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust“. *Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860-1918)*. München: Fink, 1992.
- Puschner U. Katholisches Milieu und alldeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift „Odin“ (1899-1901). In: Grunewald M., Puschner U. (eds.) *Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871-1963)*. Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871-1963). Bern: Peter Lang, 2006, pp. 143-167.
- Retterath H.-W. Von „deutscher Treue“ bis zu „deutscher Weltgeltung“. Zur Symbolik der auslanddeutschen Kulturarbeit in der Zwischenkriegszeit am Beispiel ihrer Institutionsabzeichen. In: Brednich R.W., Schmitt H. (eds.) *Symbole. Zur Bedeutung der Zeichen in der Kultur*. Münster, New York, München, Berlin: Waxmann, 1997, pp. 408-421.
- Schmidt G. Luther und die Freiheit seiner „lieben Deutschen“. In: Schilling H. (ed.) *Der Reformator Martin Luther 2017: eine wissenschaftliche und gedenkpolitische Bestandsaufnahme*. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Schmitz-Berning C. *Vokabular des Nationalsozialismus*. Berlin, New York: De Gruyter, 1998.
- See K. v. *Deutsche Germanen – Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart*. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag, 1970.
- Speth R. *Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert*. Opladen: Leske + Budrich, 2000.
- Weißmann K. *Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945*. Düsseldorf: Droste Verlag, 1991.
- Wilson J.K. *The German Forest: Nature, Identity, and the Contestation of a National Symbol, 1871-1914*. Toronto: University of Toronto Press, 2012.
- Wladika M. *Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2005.
- Zechner J. „Ewiger Wald und ewiges Volk“. Der Wald als nationalsozialistischer Idealstaat. In: Gröning G., Wolschke-Bulmahn J. (eds.) *Naturschutz und Demokratie?* München: Martin Meidenbaue, 2006, pp. 115-120.
- Zirlewagen M. „Sinnbild der Einheit Deutschlands“. *Die Bismarcksäule auf der Rothenburg im Kyffhäuser*. Norderstedt: Books on Demand, 2015.